

Это обстоятельство делает необходимым для исследования Повести предварительно издать ее полностью по всем шести известным спискам. В первую очередь это относится к Киево-Житомирскому списку, который имеет преимущество перед другими и своей относительной полнотой, и своим более ранним происхождением — во втором или третьем десятилетии XVIII в. В отношении древности с этим списком может спорить лишь только изданный В. И. Малышевым Груздевский список 1728 г.

В настоящей статье мы ограничимся лишь изданием текста Повести о «крестьянском сыне» по Киево-Житомирскому списку с оригинальным заглавием: «Слово о напрасном тате».

При издании сохраняем все языковые особенности текста. Для удобства публикации Повести и чтения ее современным читателем не передаем всех особенностей орфографии подлинника, заменяя ее современной. Вводим от себя насколько добавочных членений текста на абзацы с целью облегчить читателям ориентировку в содержании и композиции Повести по издаваемому списку.

Слово о напрасном тате

Бысть некогда крестьянский сын, учал учиться грамоте, и учитель его учал бити болечно, поднимая на козел. И он себе почал размышлять: стать мне учиться — ино мне дати могорец, а взять негде, а се бьють болечно, стану себе красти, ввечеру украду, а поутру продам — ино мне денешка скорее будет.

И узнал богата человека, и пришел в нощи к воротам ево, и ударил посохом в ворота, и учал говорити: «Отверзетеса хлеби (так!) небесныя, а мне врата христианския». И стали на него псы лаяти, а он учал говорити: «Отступите от мене вси творящи беззаконие». И стал приниматися за угол крестьянския клети и учал говорити: «Принялся Фома за ребро Христово, а я за угол крестьянской клети». И зашел на клеть и учал говорити: «Взыде (л. 84 об.) Моисей на гору Фаворскую, а я на клеть крестьянскую». И стал кровлю ломати и учал говорити: «Пропный небо яко кожу, а я клеть, крестьянскую кровлю». И стал спущатися в клеть по веревке, а сам говорит: «Сниде Иона во чрево китово, а я вшел в клеть крестьянскую».

И услышала жена в клетке той и учала говорити мужу своему: «Восстани с постели своя, тать у нас ходит в клетке». И муж ей противу отвещает: «Архангел господень пришел к нам, посетити нас хочет божественною благодатию и все божественное глаголет».

И тать усмотрил кнутик на спице виситися, и учал говорити: «Господи, страха твоего боюся, а зло творя не престаю». И сволок со крестьянина шубу да на себя стал оболокати и учал говорити: «Одеяся светом яко ризою, а я шубою крестьянскою».

И паки жена глаголет мужу своему: «Тать у нас ходит в клетке. Толко бы не тать ходил, и он бы с нас шубы (л. 85) не снял». И крестьянин воста с ложа своего и взял дрот во обе руки и окрестил татя по лбу. Тать же прогласи, глаголя: «Окропишися (так!) исопом и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся».

И крестьянин учал говорить жене своей: «О злая жена и злое оружие, подобна сети и неверной еретице еси, греха мя доставила, архангела господня убил. Но паки возляжем на одр свой и уснем».

Тать же походи тихо по клетке той и обрете ядь в клетке той и учал вкушати, а сам стал говорити: «Тело христово примите, источника безсмертнаго вкусите». И узрев близ того ж места оловянный спитой и улил